

ДЕТАЛЬ МОЖЕТ СТАТЬ СИМВОЛОМ ЭПОХИ

Борис Тимофеевич Евсеев – поэт, прозаик, эссеист. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры и премии «Венец», Бунинской, Горьковской и многих других литературных премий. Получил музыкальное, литературное и журналистское образование. В советское время публиковался в Самиздате. Автор 15 книг прозы. Переводился на английский, болгарский, голландский, испанский, итальянский, китайский, немецкий, эстонский, японский и др. языки. Ныне – профессор Института журналистики и литературного творчества (Москва).

Борис Тимофеевич, традиционно Вы являетесь одним из основных лекторов школы перевода, организуемой Центром русского языка и культуры Пловдивского университета.

Что Вам понравилось в этой идее и почему Вы решили принять предложение организаторов?

Когда дело касается русского языка, я готов пройти пешком сотни вёрст, лишь бы способствовать его укреплению и распространению. Русский язык – и есть русская идея! Ведь язык включает в себя всё: литературу и экономику, науку и культуру. И, главное, язык и только язык формирует сознание человека. Русский язык – один из самых богатых языков мира, но в последнее время он подвергается порче, становится «креольским», то есть, полурусским.

Ещё одна причина моего приезда, вот в чём: в последние два десятилетия (и в советское время тоже) в поле зрения европейских переводчиков с русского, нередко попадали случайные, «партийные», конъюнктурные, вообще не

лучшие произведения русской литературы. Мне хочется, по мере сил, способствовать тому, чтобы в Европе, и конечно в братской Болгарии, переводили качественную русскую прозу разных направлений и школ. О такой прозе, о её характерных особенностях, я и стараюсь говорить на лекциях в Университете им. Паисия Хилендарского. И потом я уже как-то прирос сердцем к старинному, но и вечно молодому Пловдиву.

Тема Вашего выступления связана с местом детали в искусстве, в частности в литературе. Насколько значима, с Вашей точки зрения, деталь?

Значение детали в прозе, в кино, вообще в искусстве, чрезвычайно велико! Деталь может дать толчок возникновению великого образа, а образ может стать произведением, как это произошло с Толстым, увидевшим женский локон, и написавшим вслед за этим «Анну Каренину», или с Иваном Бунным услышавшим лёгкое дыхание, которое «снова рассеялось в мире». Кроме того, удачно найденная деталь нередко становится символом эпохи, города, страны. Так произошло с фильмом Шукшина «Калина красная»: гроздь калины теперь ассоциируется у нас не только с осенью, но и со среднерусским пространством, а также с определенной эпохой в жизни России. Нечто подобное произошло и с чеховским «Человеком в футляре», и с андерсоновской Русалочкой...

Сила прозы – сила детали! Только деталь делает прозаический текст по-настоящему объёмным. Просто не нужно путать детали с подробностями. Это принципиально разные вещи.

Кроме писательской и преподавательской деятельности, Вы занимались и музыкой. Что общего между этими профессиями?

Я занимался ещё и журналистикой, семь лет был обозревателем «Литературной газеты», трудился на книгоиздательской «ниве»: восемь лет состоял главным редактором издательства «Хроникёр», работал также сборщиком винограда, на консервном заводе, в театре...

Но музыку, как и первое свидание – так просто не забудешь! И, конечно профессия скрипача, которой я с шести и до двадцати двух лет усердно обучался, наложила серьёзный отпечаток, на всю мою дальнейшую жизнь. Правда, общего между занятиями музыкой и писательством не так уж много. Но всё-таки это общее есть: оно в сходности некоторых приёмов музыкального и литературного письма. Скажем, свободный ритм прозы не скованный «железным метром», весьма сродни современному симфоническому развитию музыки. Интересны переключки между внешней и внутренней композицией романа и такой музыкальной формой, как соната. В последние годы многие литературоведы настойчиво интересуются музыкальной системой лейтмотивов, а термин «полифония», был взят М.М. Бахтиным прямо из музыки.

Сегодняшнее поколение во-многом отличается от предыдущего. В чем, по-вашему, выражается это различие, влияет ли новая русская литература на него, и если да, то как?

Честно говоря, я больших отличий не вижу. Разве что, в манере поведения и в одежде. Но так было всегда! Каждое поколение – и в Древнем Риме и в средневековом Китае – приходило, и будет приходить, с надеждой быть непохожим на поколения предыдущие. Но сказывается это в основном чисто внешне. И потом, массовой, «поколенческой» новизны не было, и нет. Есть новизна единичная – в науке, в культуре, в философии, – которая потом подхватывается многими. Однако будучи усвоена неглубоко, такая «чужая новизна» через десять-двадцать лет осыпается, как блёклая рисовая пудра с мужских волос и щёк, во времена, предшествовавшие Великой французской революции!

Влияния современной русской литературы на новые поколения я тоже особо не замечаю. Скорее наоборот: это литература обращается к молодёжным движениям хипстеров или к течению, которое называют: «поколение жёсть». Но современная литература часто делает это, следуя моде, а значит, поверхностно. В большей степени на нынешнюю литературу влияет язык молодёжи. Сегодняшняя российская молодёжь очень склонна к языкотворчеству! Иногда больше чем наши уставшие от собственного языка писатели. Когда молодые люди говорят: «отстой», «облом» или «прикол», я с этим соглашаюсь. И негодую, когда речь молодых насыщается чужеродной лексикой, всеми этими «девелоперами», «шопингами» и «гаджетами». Иностранные слова в России – всегда отражали обывательскую тягу к «красивой» жизни. Но молодым людям гораздо интересней (я говорил об этом со многими) искать стиль и смысл жизни, а не упражняться в иноязычном пустословии!

Научный журнал «Обучение иностранным языкам»